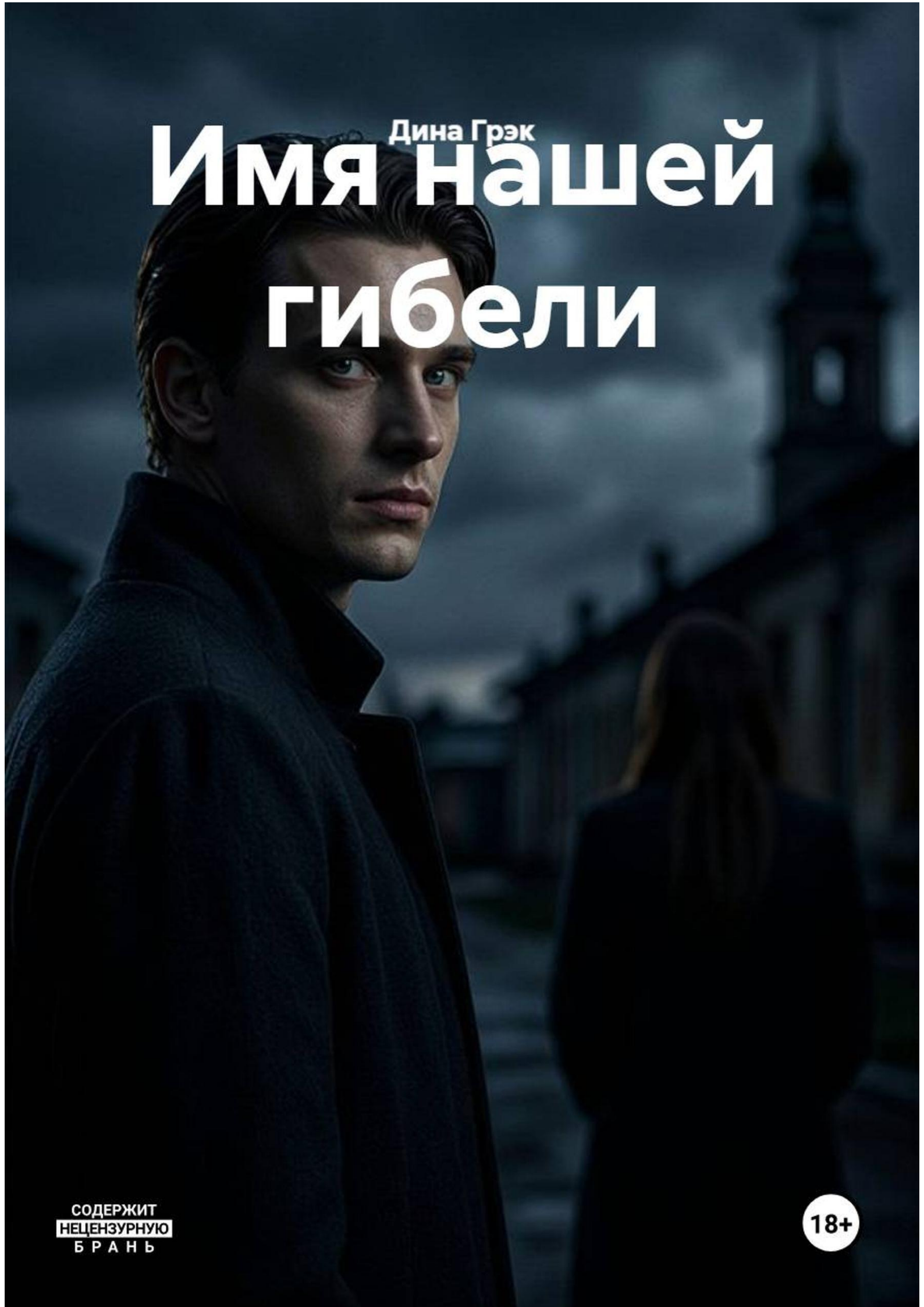

Дина Грэк

Имя нашей гибели

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Дина Грэк

Имя нашей гибели

«Автор»

2026

Грэк Д.

Имя нашей гибели / Д. Грэк — «Автор», 2026

Двенадцать лет назад Элиас потерял всё, включая любимую с глазами цвета грозового неба. Теперь он — «живой радар» Ордена, бездушное оружие, уничтожающее магов. Новое задание становится ловушкой: в приграничном городке Элиас встречает ту самую девушка. Она жива и знает о его силе больше, чем он сам. Перед героем встает выбор: остаться верным псом системы или рискнуть всем ради правды, способной разрушить мир. Между долгом и памятью пролегает тонкая грань, ведущая к финалу, где нет места прощению. Сможет ли Элиас обуздать гнев, или руны потребуют свою цену? И удастся ли им, спустя годы, объединиться против общего врага свои магические силы?

© Грэк Д., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Конец ознакомительного фрагмента.	9

Дина Грэк

Имя нашей гибели

Пролог

Мне было девять, когда я впервые увидел Элли.

Не ведьму. Не тьму. Не врага. Просто девочку, которая сидела на старой яблоне за церковью и ела незрелые яблоки с таким видом, будто весь мир был создан для того, чтобы она его доводила.

Я жил при церкви Святого Михаила в деревне Кройцберг, затерянной между холмами Баварии. Мой отец — настоятель, мать умерла при родах, и я рос среди свечного воска, латыни и запаха сырого камня. Я верил в то, что мне говорили: свет защищает, тьма ждёт, молитва сильнее меча. Я ещё не знал, что однажды мне придётся стать и мечом, и молитвой одновременно.

Элли появилась в деревне летом. С ней пришла старуха, которую все звали бабкой Мартой, — сгнетённая, молчаливая, с глазами, цвет которых менялся в зависимости от погоды. Говорили, что они из Трансильвании. Говорили, что Марта знает травы. Не говорили вслух, что она знает и кое-что ещё, но все в деревне это понимали, и потому тихо боялись, и потому не трогали.

Элли было, наверное, десять. Она не знала точно — сказала мне это позже, небрежно, как сообщают погоду. Волосы у неё были чёрные, как земля после дождя, и спутанные, и в них запутались травинки и мелкие листья, и она не пыталась их вытащить, будто они были частью её. Кожа бледная до синевы. Руки тонкие, в царапинах. Колени в зелёных разводах — она лазала по деревьям босиком, и мне было непонятно, как ей не больно.

Она меня возненавидела с первого взгляда.

— Ты из церкви? — спросила она, глядя на меня сверху вниз, с ветки, болтая ногами в воздухе.

— Мой отец там служит, — ответил я.

— Тогда уходи.

— Это не твоя земля.

— Это не твоя церковь. Она стоит на костях. Ты знаешь?

Я не знал. Потом узнал — церковь построили на месте старого капища, и фундамент её уходил в землю, где веками лежали вещи, которым не было названия. Но тогда, в девять лет, я только нахмурился и сказал:

— Бог не боится костей.

— А я не Бог, — она откусила яблоко и скривилась. Кислое. — И не боюсь.

Она спрыгнула с дерева. Приземлилась бесшумно, хотя ветка была на высоте двух моих ростов. Я хотел сказать что-то, но она уже шла прочь, и я заметил, что трава под её ногами чуть приминалась, а потом распрямлялась — не как под обычным шагом, а как от дуновения ветра, которое шло от неё, а не снаружи.

Я не мог не пойти за ней.

Следующие недели прошли в тени. Я ходил за ней — не шпионил, нет, я просто оказывался там, где она. У ручья, где она собирала какие-то корешки. На кладбище, где она сидела на самой старой плите и разговаривала с тем, кого я не видел. В поле, где она лежала в высокой траве и смотрела на небо, и облака над ней двигались не в ту сторону.

Она меня замечала. Конечно, замечала. Но не гнала — и это было страннее всего, потому что от других детей деревни она убегала, а взрослых сторонилась, а меня — терпела. Как собаку, которое ходит следом и не кусается.

Однажды я подошёл ближе, чем обычно. Она сидела на берегу ручья, ноги в холодной воде, и в ладонях держала что-то маленькое, живое. Это был жаб. Она шептала ему на языке, которого я не понимал, и жаб сидел спокойно, не пытаясь прыгнуть. Потом она опустила его в воду, и он уплыл, и поверхность ручья пошла рябью, хотя ветра не было.

— Ты ведьма? — спросил я.

— А ты дурак? — ответила она, не обернувшись.

— Мой отец говорит, что ведьмы воруют детей.

— Твой отец ворует чужие истории и пересказывает их задом наперёд. — Она наконец посмотрела на меня. Глаза у неё были тёмно-янтарные, и в тот день, на солнце, я впервые заметил в них зелёные прожилки, как у мха на старом камне. — Ведьмы не крадут. Ведьмы помнят.

— Что помнят?

— То, что все забыли.

Это был первый настоящий разговор. После него она перестала меня гнать. Потом — стала говорить первой. Потом — начала ждать, когда я приду.

К концу лета я знал о ней всё, что она позволяла знать. Знал, что бабка Марта учит её не травам, а чему-то старше трав. Знал, что Элли видит вещи, которых не вижу я: тени, которые двигались неправильно, свет, который шёл от земли, а не от солнца. Знал, что деревенские боятся их обеих и что боязнь эта растёт.

И знал — хотя не мог бы этого объяснить — что когда она рядом, мир становится больше. Не лучше, не добрее — больше. Как будто комната, в которой я жил всю жизнь, оказалась без одной стены, и за ней — поле, и за полем — лес, и за лесом — то, чему нет края.

А для неё, кажется, я был единственным человеком, который не отворачивался.

Всё сломалось в августе.

Приехал епископ. Старый, жёсткий, с руками, которые пахли ладаном и чем-то кислым. Он приехал, потому что кто-то — я никогда не узнал кто — донёс, что в деревне живёт ведьма. Не Элли. Бабка Марта.

Я слышал, как епископ говорил с отцом за закрытой дверью. Слова: «очистить», «испытать», «не потерпим». Голос отца — тихий, осторожный, согласный. Я прижался к двери, и дерево впилось мне в щёку, и я слушал, и внутри меня что-то сжималось — не страх, хуже: понимание, что никто не поможет. Что отец не поможет. Что бог, которому я молился каждое утро, не спустится с неба ради старой женщины и девочки с янтарными глазами.

Я побежал к ним.

Элли была дома — в хижине на краю деревни, где пахло сушёными травами, дымом и чем-то сладковато-горьким, чему я не знал названия. Бабка Марта сидела у очага и смотрела в огонь с выражением, которое я не мог прочитать. Не страх. Не покорность. Что-то гораздо старше — усталость, которая длилась дольше, чем человеческая жизнь.

— Марта, — сказал я, задыхаясь, — они идут.

Старуха посмотрела на меня. Впервые — по-настоящему. До этого я был для неё тенью, спутником Элли, мальчиком из церкви. Теперь она видела меня целиком, и её глаза — серые, как зола — задержались на моём лице дольше, чем было нужно.

— Ты пришёл предупредить, — сказала она. Не спросила.

— Да.

— Зачем?

— Потому что это неправильно.

Она улыбнулась. Улыбка была печальная, древняя, как трещина в камне.

— Мальчик, — сказала она, — ты ещё не знаешь, что такое неправильно. Но узнаешь.

Элли стояла в углу. Молчала. Лицо — бледнее обычного, руки сжаты в кулаки, и я видел, как под кожей её запястий что-то мерцает — тускло, пульсирующе, как кровь под тонкой тканью. Она боялась. Я видел это — и оттого, что увидел её страх, впервые в жизни почувствовал, как внутри меня что-то сдвигается. Не мысль, не решение — что-то глубже, в костях, в самом сердце, где не живут слова.

Гнев. Чистый, белый, ослепительный.

Они пришли через час. Епископ, отец, трое мужчин из деревни — с верёвками и факелами, хотя был день. Факелы горели, и дым от них шёл чёрный, и пах он не дровами, а чем-то едким, церковным, — ладан и сера, и в этом запахе было что-то такое, от чего у меня засосало под рёбрами.

Бабка Марта вышла сама. Тихо, без сопротивления. Она шла и смотрела перед собой, и мужчины расступались перед ней, хотя она была старая и маленькая, и в руках у неё ничего не было. Расступались — потому что чувствовали.

Элли закричала.

Не так, как кричат дети — не от обиды, не от испуга. Крик шёл из неё, как волна, и трава вокруг хижины легла, и факелы в руках мужчин вспыхнули ярче, и один из них выронил свой и схватился за лицо. Воздух стал густым и горячим, и я увидел, как тень Элли на стене хижины вытянулась и стала больше неё, и в тени той было много рук, много глаз.

Епископ поднял крест. Произнёс слова на латыни — и от креста пошёл свет, ровный, холодный, и тень Элли съёжилась, но не исчезла. Девочка стояла, качаясь, и слёзы текли по её лицу, и она была такой маленькой, такой — живой, и я смотрел на неё, и гнев внутри меня не просто сдвинулся.

Он взорвался.

Я не помню, как это случилось. Помню — потом: я стоял между Элли и епископом, и руки мои горели. Не огнём — светом. Белым, ослепительным, от которого трещали стёкла в окнах хижины и факелы в руках мужчин гасли один за другим, как свечи на ветру. Руны — которых я никогда не видел, не знал, не учил — проступили на моей коже, от ладоней до локтей, и пылали так, что я не чувствовал боли, только жар, и в этом жару было что-то святое и что-то чудовищное одновременно.

Епископ отступил. Отец — мой отец — стоял позади всех и смотрел на меня с выражением, которое я не забуду никогда. Не гордость. Не страх. Отвращение — и что-то похожее на узнавание, как будто он всегда знал, что во мне это есть, и надеялся, что не выйдет наружу.

— Элиас, — сказал он, и голос его дрожал, — отойди.

— Нет, — ответил я.

Это было первое «нет», которое я сказал отцу. Первое — но не последнее.

Свет из моих рук пульсировал в такт моему сердцу. Я не управлял им. Он управлял мной. Я был проводником, и через меня шло что-то настолько древнее и огромное, что церковь, в которой я вырос, казалась рядом с ним детской песочницей. Это не было добром. Это не было злом. Это было — силой, которая существовала до того, как кто-то придумал разницу.

Епископ бежал. Мужчины бежали. Отец остался — стоял и смотрел, и я не мог прочитать его лицо.

Свет начал угасать, оставляя после себя лишь запах озона и горелой травы. Я тяжело дышал, глядя на свои руки. Кожа на них покрылась багровыми, пульсирующими узорами, которые жгли нестерпимо, словно в вены влили расплавленное олово. Я смотрел на них, как на чужие, не понимая, что это — дар или проклятие. Я никогда не чувствовал этого раньше. Я был обычным парнем, сыном деревенского старосты, который до этого дня боялся даже вида крови.

Я обернулся к Элли. Она всё ещё стояла там, где её оставили, но её поза изменилась. Она больше не качалась. Она смотрела на меня — и в её глазах, обычно прозрачных, как лесная вода, теперь плескалась тьма, густая и вязкая, как смола и... страх.

— Ты сделал это, — прошептала она. Голос её звучал странно, словно из глубины колодца.

— Я... я не знаю, как, — я сделал шаг навстречу, протягивая к ней руки, всё ещё дрожащие от остаточного жара. — Элли, я просто хотел, чтобы они ушли. Я не хотел, чтобы ты пострадала.

Элли медленно подняла руку. Там, где её пальцы касались воздуха, пространство подрагивало, как от жара над костром. Она указала на отца, который всё ещё стоял неподалёку, не в силах пошевелиться от ужаса.

— Ты спас меня от них, — сказала она, и в её голосе прорезалась ледяная насмешка, смешанная с чем-то, что пугало меня больше, чем гнев епископа. — Но ты не понимаешь, что выпустил наружу. Ты думаешь, это был свет, Элиас? Ты думаешь, это Бог ответил на твою молитву?

Она сделала шаг ко мне. Тень, которая до этого была лишь отражением на стене, теперь отделилась от неё, скользнула по земле и обвилась вокруг моих лодыжек, холодная, как могильная плита.

— Ты не защитник, — Элли подошла вплотную. Её лицо было совсем рядом, но я не узнавал его. — Ты — монстр.

— Элли, послушай, я даже не знал, что во мне есть эта сила! Я просто... я просто не мог позволить им тебя тронуть!

Она оттолкнула меня с такой силой, что я отлетел к стене хижины. Мой отец, всё ещё стоявший в стороне, издал сдавленный звук, но не двинулся с места.

— Никогда не хочу видеть тебя, Элиас, — сказала она, глядя на меня с такой холодностью, что у меня перехватило дыхание. Эти слова стали для меня самыми болезненными. Она развернулась и пошла прочь, в сторону леса. Её шаги не оставляли следов на примятой траве. Она не оглянулась ни на отца, ни на меня.

— Элли, стой, прошу, — я кричал так громко как только мог, я не хотел терять её, эту странную девочку что позала мне другой мир и стала всем для меня.

Я смотрел ей вслед, чувствуя, как внутри меня что-то окончательно надломилось. В тот момент я понял: отец смотрел на меня с отвращением не потому, что я был монстром. Он смотрел на меня, потому что знал — я только что потерял единственное, ради чего стоило быть человеком.

Элли уходила, и с каждым её шагом мир вокруг становился всё более серым, а пропасть между нами — всё более глубокой. На века.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.